

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1(091)(47)
doi: 10.17223/1998863X/68/6

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ Н.А. БЕРДЯЕВА

Владимир Анатольевич Бойко¹, Игорь Валентинович Лихоманов²

¹ *Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, vboyko100@gmail.com*

² *Новосибирское высшее военное командное училище, Новосибирск, Россия, graingar@yandex.ru*

Аннотация. Н.А. Бердяев рассматривал войну как феномен преимущественно духовного порядка, как факт противоречивой и раздвоенной духовной реальности, анализировал ее в онтологическом, этическом, антропологическом контекстах. Глубина и многогранность этого анализа позволяет говорить о философии войны Бердяева. Прослеживается развитие представлений русского мыслителя о природе и характере войны, о влиянии войны на человека и общество.

Ключевые слова: русская философия, Бердяев, война, зло, русская идея

Для цитирования: Бойко В.А., Лихоманов И.В. Философия войны Н.А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 56–69. doi: 10.17223/1998863X/68/6

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

N.A. BERDYAEV'S PHILOSOPHY OF WAR

Vladimir A. Boyko¹, Igor V. Likhomanov²

¹ *Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, vboyko100@gmail.com*

² *Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk, Russian Federation, graingar@yandex.ru*

Abstract. N.A. Berdyaev repeatedly turned to the war theme throughout his creative life. His reflections about the war supplemented, elaborated, deepened various interconnected and superimposed fundamental existential problems and, first of all, the problem of presence of evil in the world. Berdyaev considered war, par excellence, as a phenomenon of spiritual order, as a fact of inconsistent and bifurcated spiritual reality. The Russian thinker analyzed war in ontological, ethical, anthropological contexts. The depth and versatility of this analysis allow to speak about Berdyaev's philosophy of war. The article traces the development of Berdyaev's ideas concerning the nature and character of war, the influence of war on the person and society. Already in his early works an idealized image of the knight

as an embodiment of the noble human type, as an alternative to the bourgeois vulgarity and philistinism is formed. In the beginning of the First World War he writes a lot about the positive influence of war on the formation of national consciousness, on actualization of the person as a necessary condition of realization by the nation of its own global historic mission. Berdyaev believes in the great historic mission of Russia – to become a connecting link between the East and the West, to unite two streams of world history. However, gradually he leaves these illusions. Berdyaev connects degradation of Russia and Russian people with war and the revolution which followed it. In modern war he sees the mass carnage deprived of positive sense, the powerful factor of people's dehumanization and depersonalization, collective hypnosis. The Russian thinker concludes that "mechanization" of war leads to the negation of the person. Modern totalitarian war cancels the positive effects of former wars and becomes absolute evil.

Keywords: Russian philosophy, Berdyaev, war, evil, Russian idea

For citation: Boyko, V.A. & Likhomanov, I.V. (2022) N.A. Berdyaev's Philosophy of War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 56–69. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/6

Рубеж XX–XXI вв., а также первые десятилетия нового века насыщены вооруженными конфликтами различного характера и масштаба. Если в начале 1990-х гг. еще высказывались надежды на «конец истории», на прекращение глобального противостояния центров «мировой силы» и, как результат, на сокращение организованного вооруженного насилия в мире, то очень скоро эти надежды рухнули. Войны по-прежнему широко используются для разрешения межнациональных, межконфессиональных и межгосударственных конфликтов, а степень угрозы их эскалации до новой крупномасштабной войны резко возросла. Это связано в первую очередь с перераспределением центров «мировой силы», повлекшим за собой частичное разрушение системы международной безопасности, сложившейся в период холодной войны, а также с общим ростом напряженности в мире.

Появление новых видов оружия, новых информационно-коммуникационных систем значительно изменило *характер* войны. Это обстоятельство, а также рост числа военных конфликтов и возрастание военных угроз в глобальном масштабе, стимулировали развитие военной мысли. Обилие концепций и моделей современного военного конфликта поражает многообразием и различием подходов. Но общим для всех них является стремление увязать в едином концептуальном пространстве военные (оперативно-тактические и стратегические), военно-технические, военно-политические и военно-психологические факторы.

Тем временем философское осмысление войн «эпохи постмодерна» значительно отстает от иных теоретических подходов в сравнении с началом XX в., когда грандиозная мировая драма, спровоцированная в 1914 г. выстрелами в Сараево, заставила многих отечественных философов и военных теоретиков обратиться к проблемам истоков и сущности войн вообще, а также характера Первой мировой войны в частности. Война как объект философского анализа присутствует в трудах С.Л. Франка, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, В.В. Розанова, Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова, В.Ф. Эрн, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева. В то же время опыт Первой мировой войны показал военным теоретикам недостатки профессионального образования и пробудил в них интерес к философской проблематике военного дела. К слову сказать, термин «философия войны» как обозначение системы философских знаний, связан-

ных с постижением феномена войны, был предложен военными, а не философами – профессором Военной академии РККА в 1920-х – начале 1930-х гг. А.Г. Снесаревым и участником Гражданской войны, а позднее выпускником французской военной школы Сен-Сир А.А. Кресновским. Определенный вклад в философское осмысление войны внесли отечественные военные теоретики А.А. Свечин, Н.Н. Головин, Б.М. Шапошников и др.

Н.А. Бердяев, пожалуй, больше других русских философов Серебряного века интересовался войной. На протяжении значительной части своей творческой биографии он систематически обращался к военно-философской проблематике. К сожалению, этот аспект его наследия до недавних пор мало привлекал внимание отечественных и зарубежных специалистов. Лишь в последние годы, главным образом в связи со столетием Первой мировой войны, в отечественной научной периодике вышел ряд публикаций, посвященных данной теме [1–3]. В этих статьях адекватно, хотя и с различной степенью полноты, отражены представления Бердяева о войне. Общим недостатком указанных работ является наличие смысловой «лакуны» между отношением Бердяева к войне и тем, что можно назвать «ядром» его религиозной философии, а именно – учением о несотворенной свободе и хилиастическим «видением» конце света и тысячелетнего Царства Божия на земле. Без выявления внутренней связи между «ядром» философских взглядов Бердяева и комплексом его военно-философских идей анализ последних, очевидно, не полный и будет носить описательный характер. Главная цель данной статьи – ликвидировать обнаруженную «лакуну», рассмотреть взгляды Бердяева на войну в контексте развития его основных философских идей.

Интерес Бердяева к военно-философской проблематике во многом был обусловлен его происхождением и воспитанием. Его дед, участник войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, отличился в Кульмском сражении (1814 г.), а позднее был избран атаманом казачьего войска Донского. Отец Бердяева – офицер и, мало того, офицер-кавалергард, человек, принадлежавший к военной аристократии. Он и сына своего желал видеть военным, отдав его в кадетский корпус [4. С. 153]. И хотя сын разрушил планы отца, увлекшись политикой и философией, военно-аристократическая «закваска» во многом предопределила интенциональность его мысли, в том числе и специфику *философии войны* как важного аспекта становления его философского мировоззрения. Это утверждение, казалось бы, противоречит явно выраженной нелюбви Бердяева к военщине, о чем он писал в своих воспоминаниях. Но то, что отвергалось им сознательно, было имманентно включено в творческое движение его мысли, отчетливо проявлялось в поведении Бердяева, ощущавшего себя «рыцарем» в сражениях «духа». «Некоторая воинственность моего характера, – признавал он, – целиком перешла в идейную борьбу, в сражения в области мысли» [5. С. 26].

Впрочем, сама эпоха, насыщенная вооруженным насилием, принуждала русского мыслителя обратиться к военно-философской проблематике. Ведь любая война, тем более мировая, предельно обостряет проблему зла в мире – ключевую для Бердяева философскую проблему. Для него, как для христианского философа, проблема зла есть проблема оправдания Бога. Если этот мир создан Богом, который есть абсолютное добро (сверхдобро), то почему в мире торжествует зло, достигающее своего предельного выражения в убий-

стве человеком человека, тем более в массовом убийство людей на полях сражений?

Бердяев признавался, что в трагические моменты мировой истории его вера в Бога иногда помрачалась, и его воображению предстал *злой* Бог исторического христианства. Того христианства, которое придумало ад и вечные муки, объективируя в них «садистические комплексы» человека. «Были минуты, когда я отвергал Бога, – вспоминал Бердяев, – были мучительные минуты, когда мне приходило в голову, что, может быть, Бог зол, а не добр, злее меня, грешного человека...» [5. С. 337]. В этой борьбе с самим собой формировалась его религиозно-философская концепция примата несотворенной свободы над бытием, во внутреннем логическом отношении к которой находятся важнейшие философские воззрения Бердяева, в том числе его взгляды на войну, его *философия войны*.

Традиционную христианскую теодицею русский мыслитель отвергает, поскольку она «все превращает в божественную комедию, в игру Бога с самим собой» [6. С. 55]. Надеясь человека свободой выбора между добром и злом, всеведущий Бог не мог не предвидеть результатов своего решения, воцарения зла и страданий в мире. Следовательно, Бог *ответствен* за зло и никакие схоластические уловки не могут его оправдать. Решение проблемы теодицеи, предложенное Бердяевым, снимает очевидное противоречие между Богом как абсолютным добром и злом, которое царит в мире, им же созданным. Зло есть порождение свободы. Но свобода не дарована человеку Богом; источник ее происхождения вне Бога-Творца – в Божественном Ничто, из которого рождается Святая Троица. Творение мира Богом из Божественного Ничто – уже вторичный акт. Вот предельно ясное и конкретное изложение фабулы этой божественной мистерии: «Из бездны, из Божественного Ничто рождается Троичный Бог, и Ему противостоит свобода ничто. Он творит из ничто мир и человека и ждет от них ответа на свой зов, ответа из глубины свободы» [6. С. 58]. Ответом становится *грехопадение* бытия.

Поврежденное в своих основах бытие распадается на *царство необходимости* (физическую природу), где нет никакой свободы, и *человечество*, наделенное свободой. Но так как природа человека двойственна и изначально повреждена, то «непросветленная» свобода порождает зло мира. Творец бес силен его предотвратить, поскольку свобода имеет независимый от него источник происхождения в изначальной «бездне Ничто» и вошла в мир непроизвольно (в силу того что Бог творил бытие из «ничто», в котором «укоренена» свобода). Таким образом, нет вины Бога в страданиях человечества и наличии зла в мире. Бог есть свет во тьме, «просветляющий» бытие, но не навязывающий ему выбор между тьмой и светом. У Бога, пишет Бердяев, меньше власти над миром, чем у полицейского [5. С. 177]. Он не правит миром, как абсолютный монарх, а дает миру (человеку) возможность *завершить творение*. Человек может откликнуться на зов Бога и *завершить творение*, а может поддаться соблазнам «непросветленной» свободы, что приведет к гибели бытия в силу его углубляющегося распада на все более частные (отвлеченные от изначального единства) и изолированные компоненты. «Свобода человека, – отмечает Бердяев, – предполагает возможность неудач христианства в истории», т.е. «будущее не детерминировано, не фатально ни в сторону зла, ни в сторону добра» [7. С. 220, 225].

Двойственная природа бытия, пребывающего в «силовом поле» двух источников и стихий, пронизывающих его ткань, – *тьмы* изначального единства («Ничто») и божественной «просветленной» свободы – сказывается на его структуре, которая бесконечно «двоится» в истинных и ложных формах. «Истина» и «ложь», «добро» и «зло» не только *соотносительны*, не могут существовать друг без друга, но и *относительны* в том плане, что «истина» и «добро», «ложь» и «зло», в свою очередь, «двоятся», в результате чего любая «истина» может стать «ложью», а любое «добро» обернуться «злом». Следовательно, зло непобедимо в пределах мироздания, но отсутствует за его пределами, где царит абсолютное добро («сверхдобро»), вне времени и пространства, *вне истории*, в Царстве Божьем! «„Добро“ и „зло“, – формулирует Бердяев основной парадокс этики, – коррелятивны, и в известном смысле можно сказать, что „добро“ возникло лишь тогда, когда возникло „зло“, и падает с падением „зла“» [6. С. 71]. Но этого мало: в пределах самого бытия «добро легко оборачивается злом, превращается в зло», тогда как «зло имеет положительное значение, потому что оно вызывает высшую творческую силу добра для своего преодоления», а следовательно, «возможность зла есть условие добра» [6. С. 78].

Исходя из этой *онтологии* добра и зла, русский мыслитель рассматривает феномен войны. Зло мира есть источник войны, фундаментальная причина, порождающая войну. А так как зло неустранимо в пределах бытия, то неустранима и война, которая неизбежно сопровождает человеческую историю *от ее начала и до конца*. «Недаром, – отмечает Бердяев, – Апокалипсис пророчествует о войнах. И не предвидит христианство мирного и безболезненного окончания мировой истории» [8. С. 180]. Надежды на вечный мир тщетны; пока длится история человечества, будут существовать и войны.

Но война, хотя она есть порождение мирового зла, *сама злом не является*. Война – это *трагедия*, которая лишь *выявляет* «зло, живущее в каждом из нас» [8. С. 181]. Война проявляет все темное и агрессивное, что накапливается в человечестве, и ответственность за войну лежит на каждом человеке, независимо от его отношения к ней. Война изобличает зло мира, не создавая взамен более совершенной жизни. Поэтому «благодушное, оптимистическое, исключительно радостное отношение к войне, – утверждает Бердяев, – не допустимо и безнравственно» [8. С. 183]. Милитаризм, романтизирующий и обоготворяющий войну, он решительно осуждает. Но равным образом он отвергает и пацифизм как желание избавиться от ответственности за мировое зло и войну.

Ложь пацифизма состоит в том, что абсолютные нравственные ценности применяются к относительному бытию, где нет ничего абсолютно истинного. В падшем мире добро и зло относительны, ситуативны и взаимобратимы. «Навязывание абсолютного закона относительной жизни есть доктринерство, лишенное всякого внутреннего смысла» [8. С. 183]. Это не значит, что абсолютные ценности утрачивают универсальное значение. Но следование им, без учета конкретных обстоятельств, оборачивается отрицанием этих ценностей: добро может обратиться злом и наоборот. Например, на войне, отмечает Бердяев, жалость к одним людям способна обернуться гибелью других людей, причем в гораздо большем количестве. Не понимая сущности войны как *проявления* зла, пацифисты усугубляют зло мира. Война – это *прорвавшийся*

нарыв, позволяющий вытечь скопившемуся в мировом организме «гною». Длительный мир, тем более мир вечный, к которому они безуспешно призывают, отравляет общественный организм, все больше и больше пропитывая его злом изнутри.

Христианское отношение к войне двойственно: война свидетельствует о зле, выявляет зло, коренящееся в основах бытия, но она же искупает зло не только страданием и смертью, но и ответным пробуждением добра. Жизнь в посюстороннем мире русский философ воспринимает как борьбу, но в ходе этой борьбы преодолевается зло и «происходит восполнение жизни». Война, согласно Бердяеву, «одна из благородных, хотя и ужасных форм борьбы» [9. С. 237]. Она разворачивается не только в пределах бытия, но и в трансцендентных сферах, где «ангелы Божьи воюют с ангелами сатаны» [9. С. 249]. Война имманентна мирозданию и не прекратится до окончательного «просветления» бытия и его вхождения в Царство Божье, уже вне пределов физической реальности, вне пределов земной истории.

Рациональное оправдание войны, полагает Бердяева, невозможно, «ибо поистине народы периодически должны сходить с ума, чтобы воевать» [9. С. 238]. Но христианское сознание признает иррациональные истоки бытия и не восстает против войны, так как видит в ней не только проявление зла, но также его искупление и преодоление. Война есть «порождение греха и искупление греха» [9. С. 238]. Таким образом, хотя война, будучи порождением зла, явление всецело отрицательное, она имеет или, во всяком случае, может иметь, *положительный смысл!*

С чем связывает Бердяев этот положительный смысл? Война, убежден мыслитель, актуализирует *личностное начало*, актуализирует в человеке наиболее ценные качества – мужество, храбрость, самопожертвование, героизм. Война «пробуждает глубокое чувство народного, национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду...» [8. С. 18]. Война формирует и воспитывает нацию как *сверхиндивидуальную личность*, имеющую свое «историческое задание» в провиденциальном божественном замысле. Для отдельного человека, тем более неверующего, видящего в физической смерти конец всего, война лишена смысла. Только на сверхиндивидуальном уровне она обретает цель и смысл, лежащие за пределами физического существования отдельного человека. И точно так же, как единственна и неповторима человеческая личность, единственна и неповторима сверхиндивидуальная личность – нация.

Каждая крупная нация имеет в провиденциальном плане свое «историческое задание» или «идею». Она стремится универсализировать эту «идею», распространить ее на другие народы и нации. Так возникают империалистические войны, которые являются «могущественным средством объединения человечества» [9. С. 237]. Империализм, по Бердяеву, есть *ложная* форма человеческого единства. Но в бесконечно двоящемся бытии истина и ложь двоятся. «Ложь» империалистического универсализма есть оборотная сторона его «истины», обусловленной тем, что через распри и войну человечество движется к единству.

Такое понимание положительного смысла войны приводит Бердяева к отрицанию возможности ее *этических* оценок. Он считает, что не бывает войн «справедливых» или «несправедливых». Морализаторский подход при-

знает и оправдывает лишь *оборону* как форму самозащиты. Но, в рамках философской концепции Н. Бердяева, ответственность за войну несут *все ее участники*, хотя и в неравной мере. Нападение извне может быть (а нередко и является) расплатой за прежнее зло, творимое той стороной, которая подверглась нападению. Поэтому «нельзя сказать, что в этой борьбе один народ целиком представляет добро, а другой народ целиком представляет зло. Один народ может быть лишь относительно более прав, чем другой» [8. С. 193]. Борьба каждой нации за реализацию своей «идеи» оправдана в трансцендентном плане ее историческим (провиденциальным) заданием. Однако исход этой борьбы не предопределен в истории, как не предопределена и судьба бытия в целом. Нация может реализовать свою «идею», но может и не справиться с этой миссией.

Энтузиазм и воодушевление, охватившие Бердяева с первыми залпами орудий на фронтах мировой войны, отмечает китайский исследователь Ли Цзоюань, трудно объяснить одним только всплеском национального шовинизма и патриотических чувств [10. С. 94, 99]. Бердяев допускал высказывания в шовинистическом духе и в нем действительно государственный победил на время социалиста и певца свободы [11. С. 198]. И все же глубинные, экзистенциальные причины его позитивного восприятия войны были обусловлены горячей верой в то, что для России пришел тот роковой час, когда она может приступить к исполнению своего исторического предназначения, своего провиденциального задания.

Чтобы понять ход размышлений Н.А. Бердяева, надо иметь в виду, что к началу Первой мировой войны философ находился во власти *эсхатологических ожиданий* и *хилиастических надежд*. Он – один из *русских пророков* рубежа XIX–XX вв.: писателей, поэтов, философов и религиозных деятелей, наделенных острым чувством приближающейся мировой катастрофы. В предвоенной культурной атмосфере, нервной, полной мистических озарений и апокалиптических предчувствий, его воображением завладел *мираж* тысячелетнего Царства Божия на земле, предсказанного в «Откровении Иоанна». Здесь как бы соткались в единое целое апокалипсические видения Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева, под влиянием которых произошло религиозное «обращение» Бердяева.

Для него, как и для В.С. Соловьева, мировая война служила прологом к завершению человеческой истории, к переходу человечества в иное качественное состояние – Царство Божие на земле, которое есть *подлинная теократия* в противоположность *ложным теократиям* католицизма и православия. Позитивная роль войны в этой драме конца света должна, по его мнению, заключаться в том, чтобы положить начало формированию культуры *высшего* типа, синтезу культур Востока и Запада. Возникновение такой культуры даст человечеству возможность подняться на *всепланетный* уровень самоорганизации, когда возможно будет решить проблему «овладения и управления всей поверхностью земного шара» [8. С. 147].

Культурный синтез Востока и Запада Бердяев противопоставляет «всесмешению» народов, ведущему к утрате их культурного своеобразия, растворению друг в друге и превращению их в аморфную «культурную среду», равномерно «растекающуюся» по планете. Результатом синтеза должна стать резко очерченная, выразительная и внутренне глубоко дифференцированная

культура высшего типа, для кристаллизации которой необходим определенный географический «центр». Таким центром, по мнению Бердяева, будет Константинополь, и Россия должна отвоевать этот город у турок. «В Константинополе, – писал он, – точка пересечения Востока и Запада» [8. С. 130]. После завершения мировой войны именно здесь начнется второй акт драмы конца света, «явится в мире богочеловеческий центр, от которого пойдет процесс благодатного завершения истории» [12. С. 290]. Конечно, истинная теократия, сложившаяся вокруг этого центра, не сможет охватить все человечество, а будет только «оазисом среди враждебной пустыни» [12. С. 289]. Но ее появление в мире откроет «путь в Новый Иерусалим», т.е. в хилиастическое тысячелетнее Царство Божие.

Ключевая роль России в эсхатологии Н. Бердяева не ограничивается отвоеванием Константинополя. Запад и Восток не могут, полагал он, сами по себе преодолеть барьер взаимного отчуждения и непонимания. Поэтому требуется «катализатор» культурного синтеза и лишь Россия может осуществить эту миссию. Историческое призвание России – быть «мостом», который объединит Запад и Восток в культуру высшего типа, – обусловлено объективными свойствами восточного христианства и русского народа. Исключительная «отзывчивость», «всечеловечность», готовность принять и вместить в себя «чужое» как свое делают русский народ идеальным «проводником» и «катализатором» всемирного религиозно-культурного синтеза. С другой стороны, православие, несмотря на многочисленные исторические прегрешения, сохранило истину о богочеловеческой природе Христа, тогда как западные христиане, по мнению Бердяева, в значительной мере ее утратили. Именно православие открывает путь новому откровению – «третьему завету Святого Духа», истинной и окончательной «религии богочеловечества», в которой осуществится *глобальный религиозный синтез* как христианских, так и нехристианских вероучений и практик.

Осознание народом того, что замыслил о нем Бог в вечности, поднимает на высший уровень развития его национальное сознание, оно «переходит все пределы и достигает вершин в сознании мессианском» [9. С. 114]. Довоенная Россия не была готова к той всемирно-исторической роли, какая, по мнению не только Бердяева, но и многих других русских мыслителей, была ей предназначена в божественном замысле. Русская нация не выработала в себе необходимые для этого качества, не стала полноценной сверхиндивидуальной *личностью*, как не являются в массе своей личностями и русские люди с их невыразительной, размытой физиогномикой. Исторические условия, в которых складывался русский народ, не позволили ему развить в себе такие «мужественные» черты, как чувство чести, личное достоинство, ответственность, благородство, аристократизм, характерные для европейских народов черты. Бердяев связывал их появление со средневековой культурой рыцарства, формировавшей и развивавшей в европейцах личностное начало. Русский народ веками воспитывался в терпении, покорности, в смиренной и пассивной готовности принять любую, даже глубоко чуждую ему деспотическую власть. Эти черты русского народа Бердяев характеризовал как «женственные» («бабьи»). Их исток он усматривал в темной «дионисийской стихии», по происхождению своему восточной, противостоящей «аполлоническому», «мужественному» западному влиянию.

Становление нации как сверхиндивидуальной личности нуждается, по мнению русского философа, в заключении «брака» между мужским и женским «началами», в достижении гармонии через «просветление» и «оформление» дионисийской «женственности» аполлонической «мужественностью». Но, так как обстоятельства национальной истории не позволяли русскому народу достичь этой гармонии прежде, то лишь мировая война способна выковать русский народ как полноценную личность и актуализировать его мессианскую роль в мировой истории. «С войнами, – утверждал Бердяев, – связана выработка мужества, храбрости, самопожертвования, героизма, рыцарства» [9. С. 240]. Он был убежден, что «мировая война выведет Россию из... безвыходного круга, пробудит в ней мужественный дух, покажет миру мужественный лик России...» [8. С. 16].

Эмоционально-окрашенный эсхатологический оптимизм Н. Бердяева, ярко отразившийся в его статьях 1914–1915 гг., со временем, начал блекнуть. Чем дольше длилась война, тем меньше оставалось у него иллюзий относительно ее благотворного влияния на национальное самосознание. Вместо того чтобы пробуждать в человеке личностное начало, мировая война стала мощным фактором дегуманизации и деперсонализации народных масс. «Война воспитала насильников», а не рыцарей [7. С. 163]. Новые виды оружия, используемые на полях сражений, радикально изменили *характер* войны. На смену противоборству лицом к лицу, где победа зависит от личных качества воина, его мужества, твердости и силы духа, пришло массовое уничтожение противника «вслепую», на далеком расстоянии с использованием пулеметов, танков, авиации, дальнобойной артиллерии, газовых атак. Убийство врага превратилось в рутинную операцию, не вызывающую никаких эмоций и не требующую от воина напряжения психических и нравственных свойств. Все это, по мнению Бердяева, разлагает те положительные качества, что формируют и воспитывают личностное, мужественное начало: «Наибольшей остроты достигает процесс дегуманизации в современной технике войны, которая более не нуждается в человеческой доблести» [7. С. 172]. Вместо того чтобы увеличивать ценность человеческой личности, тотальная война, вовлекшая в свою орбиту всю нацию, девальвировала ее, «человек перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще перестал быть ценностью» [7. С. 168].

Не оправдались надежды Бердяева и на консолидацию народа (нации) перед лицом внешней опасности. На фронте и в тылу процветали воровство, коррупция, nepотизм. «Оргия хищнических инстинктов, безобразной наживы и спекуляции в дни великой мировой войны, – отмечал он в 1915 г., – есть наш величайший позор, темное пятно на национальной жизни, язва на теле России» [8. С. 79]. Война всколыхнула, привела в состояние брожения источник мирового зла – «темную хаотическую стихию Востока», которая, по выражению Н.А. Бердяева, «бурлит» в социальных недрах России, грозя ей скорыми бедами [8. С. 58].

Недолгий период воодушевления, пережитый многими представителями русской интеллигенции в первые дни революции 1917 г., которая, по их мнению, должна была оздоровить нацию и вдохновить ее на дальнейшее продолжение войны, вскоре кончился для Бердяева полным крахом всех его ожиданий и религиозно-мистических озарений. Подводя год спустя горькие

итоги, он писал: «Мировая война не разрешила никаких задач и кончилась дурным миром» [9. С. 251]. Его вера в русский народ и в его историческое предназначение, казалось, была теперь безнадежно подорвана: «Русский народ не выдержал великого испытания войной. <...> Русский народ оказался банкротом» [9. С. 32]. Разочарование Н. Бердяева было так велико, что он пришел к полному отрицанию отечественной религиозно-философской традиции, центр которой составляла проблематика «Русской Идеи» как божественного замысла о всемирно-историческом предназначении России. Хилиастический мираж Царства Божия на земле, в утверждении которого она должна была играть ключевую роль, развеялся перед его внутренним взором без следа. «Русские иллюзии окончились безобразной оргией», – писал теперь Бердяев [13. С. 750]. В приступе самоуничтожения он заявлял о *полной правоте* Чаадаева, о том, что русским мыслителям, да и вообще русским людям, «необходимо покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества, правду культуры, суровую правду закона и нормы» [13. С. 653].

В годы эмиграции Н.А. Бердяев вновь и вновь обращался к теме войны, к философии войны. Его представления о несотворенной свободе как источнике неуничтожимого в пределах бытия мирового зла получили концептуальное завершение. Однако выводы, к которым он приходит накануне Второй мировой войны, заметно отличаются от прежних. Теперь он исходит из давнего, но не имевшего принципиального значения в его ранних работах тезиса о возрастании зла и многообразия форм его проявления в мировой истории. С возрастанием зла трансформируется как общество, так и война. Философскую проблематику войны, подчеркивает Бердяев, нельзя рассматривать отвлеченно, «отделяя ее от социального строя и духовного состояния общества» [14. С. 578]. Перемены, которые произошли в военном деле, а также в мировом сообществе с 1914 г. по конец 1930-х гг., изменили его взгляды не только на характер, но и на природу войн. Если раньше он считал войну лишь *проявлением* зла, писал о *положительном* влиянии войны на отдельного человека и на воспитание национального самосознания, то теперь война в ее современном виде представляется ему проявлением «бестиализма», охватившего человечество, имеет всецело *сатанинскую* природу. Войны, которые ведут в XX в. тоталитарные государства посредством механизированных армий, оснащенных оружием гигантской разрушительной силы, переворачивают систему ценностей. Теперь не война служит интересам людей, но «люди существуют для войны» [14. С. 577]. Тоталитарная государственная «машина», частью которой является армия, нацелена на подавление личностного начала. А война, которая ведется с использованием разрушительного современного оружия дальнего действия, превращается в массовую бойню, лишенную какого-либо позитивного смысла. «Современная война есть страшная проза, а не поэзия, – пишет Бердяев, – и в ней преобладает беспросветная обыденность» [14. С. 579].

В этой «прозе» войны подвергаются эрозии и разрушению личностные характеристики военнотружущего, так как рутинный характер выполняемой им «работы» не требует их актуализация. Современные войны, в отличие от войн прошлого, Н. Бердяеву «напоминают не дуэль, а убийство из-за угла» [14. С. 581]. «Смешно говорить, – продолжает он, – о военных доблестях

в современных химических войнах, истребляющих мирное население» [14. С. 580]. Война превращается в его глазах в предельную форму *аперсонализма*, стирающего личностные характеристики в индивиде. Но все, что противно личностному началу, что нацелено на его разрушение и уничтожение, по его мнению, есть зло в чистом, рафинированном виде.

Задолго до создания атомной бомбы он предвидел возможность появления оружия массового поражения, гораздо более страшного, чем отравляющие газы. Это оружие, будучи использовано, приведет к уничтожению большей части человечества и сделает невозможным дальнейшее продолжение войн. Таким образом, «вечный мир» все-таки *может* наступить, но лишь как результат глобальной катастрофы, которая поставит человечество на грань уничтожения. Это принудительное прекращение вооруженного противоборства не излечит человечество от воинственных инстинктов, а лишь переключит их в другую область [14. С. 582]. Зло, укорененное в изначальной стихии «ничто», проистекающее из несотворенной и «непросветленной» свободы, не может быть побеждено в пределах исторического времени. Победа над злом возможна только вне пределов истории, вне пределов исторического и космического времени.

Как видим, взгляды Бердяева на природу и характер войны к концу 1930-х гг. существенно изменились сравнительно с тем, что он высказывал в дореволюционный период. Понимание и оправдание войны как этически нейтрального *способа проявления* зла в мире, «изобличающего ложь» и вызывающего ответное проявление добра, сменилось ее полным отрицанием.

В юности Бердяев разделял романтическое отношение к войне, которое критиковал позднее, в 1914–1917 гг. Его представления о совершенной личности как об *аристократе духа*, как о святом или рыцаре, предполагали в характере такого рода личности определенную меру *воинственности*, которую философ, как мы помним, обнаруживал и в самом себе. Царство Божие, говорил он, достигается не одним лишь созерцанием, но путем творческих свободных усилий личности. Процесс нравственного становления личности Бердяев рассматривает сквозь призму рыцарского идеала, включающего в себя храбрость, героизм, самопожертвование, понятие о чести, служение трансцендентным целям [15. С. 116]. Соотнося этот идеал с проблемами современного мира, он убеждал и других, и себя в необходимости его актуализации [16. С. 97]. Война пробудит в русских людях то мужественное, рыцарское начало, без которого божественный замысел о предназначении России служить катализатором планетарного синтеза Востока и Запада не может быть воплощен.

Историческая действительность разрушила не только хилиастический мираж Бердяева, но и его веру в позитивное влияние войны на пробуждение личностного начала как в людях, так и в нациях. «Машинизация» хозяйственной сферы разрушает органическую связь человека с природой, «косит все живое» и в конечном счете должна, как предрекает философ, разрушить и заменить человеческое тело [9. С. 259]. «Машинизация» войны деструктурирует личность, превращая человека в придаток механизма уничтожения, разрывает в пространстве действия военнослужащего с их результатом: убийство людей превращается для него в последовательность механических операций, не вызывающих эмоционального и нравственного отношения к

тому, что он делает, и тех необходимых качеств, которые в прежние эпохи формировали личность рыцаря-воина. Многомиллионные национальные армии, пришедшие на смену профессиональным наемным войскам, представляют собой бюрократические «машины», подавляющие личностное начало, как подавляют его и тоталитарные режимы, создавшие эти армии.

Война, в виду изменившегося ее характера, становится не только проявлением зла, но и злом *как таковым*. Усиливаясь в мире, зло отменяет положительные эффекты, что были связаны с войнами прошлого. «Если войны прежних веков связаны были с личной храбростью, – пишет Бердяев, – то это совершенно неприменимо к современным тотальным войнам» [14. С. 579]. Тем не менее, как и раньше, он отвергает «буржуазный» пацифизм, «который не только бессилён победить войну, но и может означать более низкое состояние, чем война» [14. С. 584]. Пацифизм критикуется философом как проявление трусости, боязнь катастроф, мещанская любовь к спокойной и обеспеченной жизни; между тем «есть мир, который подлее войны, не всякой ценой допустимо покупать мир» [14. С. 584]. Чтобы эффективно противостоять войне, человек должен быть воином. Воинственность, направленная на противоборство злу, на достижение трансцендентных целей, в персонализме Бердяева по-прежнему является одним из важнейших качеств совершенной личности.

Размышления Бердяев о войне, ее природе, характере и будущности не утратили значения в наши дни. Современные виды оружия далеко превосходят те, что использовались при его жизни. «Машинизация» военного дела с появлением дистанционно управляемой и частично автоматизированной робототехники, а также баллистических ракет, крылатых ракет, лазерного и космического оружия обострила проблему нравственной ответственности человека на войне. Заменяя прямое вооруженное противоборство людей противоборством военной техники, современная война испытывает растущую нужду в *военных бюрократах*: дисциплинированных, исполнительных, но лишенных инициативы, ответственности, мужества перед лицом не только врага, но и своего командования.

С другой стороны, *характер* современных высокотехнологичных войн радикально отличается от тотальных войн первой половины XX в. И анализ феномена войны, как справедливо отмечал Бердяев, должен учитывать эти изменения. Развитие информационно-коммуникационных систем превращает каждую боевую единицу современной армии (в том числе и каждого отдельного бойца) в «подвижную крепость», оснащенную электроникой, броней, оружием и гаджетами. Передвигаясь в составе небольших групп, бойцы, их командиры могут и должны самостоятельно принимать решения относительно своих действий в различных ситуациях. Разнесенный характер боевых действий диктует повышенные требования к таким человеческим качествам, как личная храбрость, разумная инициатива, ответственность и пр. Таким образом, развитие военного дела носит противоречивый характер: наряду с усилением бюрократизации, нивелирующей личностное начало, возрастает роль личностных характеристик воина, которые столь высоко ценил Николай Бердяев.

Список источников

1. Гаман Л.А. Н.А. Бердяев о войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 41–47.

2. Тимофеев А.И. Николай Бердяев: человечность и война // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 85–93.
3. Иванова С.И. Проблема войны в творчестве Н.А. Бердяева // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2017. № 4. С. 202–208.
4. Гулыга А.В. Творцы русской идеи. М. : Молодая гвардия, 2006. 316 с.
5. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 448 с.
6. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 23–422.
7. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Дух и реальность. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 157–226.
8. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М. : Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918. XVI, 240 с.
9. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М. : Ин-т русской цивилизации, 2012. С. 19–303.
10. Ли Цзоюань. Метафизика русской идеи в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева. М. : МАКС Пресс, 2010. 143 с.
11. Волкогонова О.Д. Бердяев. М. : Молодая гвардия, 2010. 411 с.
12. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М. : Канон+, 1999. 464 с.
13. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. М. : Астрель, 2007. С. 488–846.
14. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 423–696.
15. Бойко В.А. Концептуальные основания рыцарского идеала Н.А. Бердяева: первые шаги // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2, № 2 (32). С. 108–119.
16. Бойко В.А. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева в книге «Новое религиозное сознание и общественность» // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2, № 3 (33). С. 94–107.

References

1. Gaman, L.A. (2014) N.A. Berdyaev about war. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(29). pp. 41–47. (In Russian).
2. Timofeev, A.I. (2016) Nikolay Berdyaev: chelovechnost' i voyna [Nickolay Berdyaev: Humanity and War]. *Solov'evskie issledovaniya*. 1(49). pp. 85–93.
3. Ivanova, S.I. (2017) Problema voyny v tvorchestve N.A. Berdyaeva [The problem of war in N.A. Berdyaev's works]. *Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya i praktika*. 4. pp. 202–208.
4. Gulyga, A.V (2006) *Tvortsy russkoy idei* [The Creators of the Russian Idea]. Moscow: Molodaya gvardiya.
5. Berdyaev, N.A. (1991) *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge: An Essay in Autobiography]. Moscow: Kniga.
6. Berdyaev, N.A. (2003) *Opyt paradoksal'noy etiki* [An Essay in Paradoxical Ethics]. Moscow: AST; Kharkov: Folio. pp. 23–422.
7. Berdyaev, N.A. (2003) *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST; Kharkov: Folio. pp. 157–226.
8. Berdyaev, N.A. (1918) *Sud'ba Rossii. Opyt po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The Fate of Russia. An Essay in the Psychology of War and Nationalness]. Moscow: G.A.Leman and S.I. Sakharov.
9. Berdyaev, N.A. (2012) *Filosofiya neravenstva* [The Philosophy of Inequality]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 19–303.
10. Li Zuoyuan. (2010) *Metafizika russkoy idei v tvorchestve F.M. Dostoevskogo, V.S. Solov'eva, N.A. Berdyaeva* [Metaphysics of the Russian Idea in the Works of Fyodor Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Nikolay Berdyaev]. Moscow: MAKSS Press.
11. Volkogonova, O.D. (2010) *Berdyaev*. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Berdyaev, N.A. (1999) *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New Religious Consciousness and Community]. Moscow: Kanon+.
13. Berdyaev, N.A. (2007) *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva* [The Downfall of the Holy Russian Tsardom]. Moscow: Astrel'. pp. 488–846.
14. Berdyaev, N.A. (2003) *Opyt paradoksal'noy etiki* [An Essay in Paradoxical Ethics]. Moscow: AST; Kharkov: Folio. pp. 423–696.
15. Boyko, V.A. (2017) The Conceptual Bases of N.A. Berdyaev's Knightly Ideal: The First Steps. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*. 2/2(32). pp. 108–119. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-108-119

16. Boyko, V.A. (2017) The Knightly Ideal of N.A. Berdyaev in His Book “New Religious Consciousness and Society”. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 3/2(33). pp. 94–107. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-94-107

Сведения об авторах:

Бойко В.А. – доцент, кандидат культурологии, доцент отдела подготовки кадров в аспирантуре Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: vboyko100@gmail.com

Лихоманов И.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Новосибирского высшего военного командного училища (Новосибирск, Россия). E-mail: graingar@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Boyko V.A. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vboyko100@gmail.com

Likhomanov I.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Novosibirsk Higher Military Command School (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: graingar@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.12.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 09.12.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*